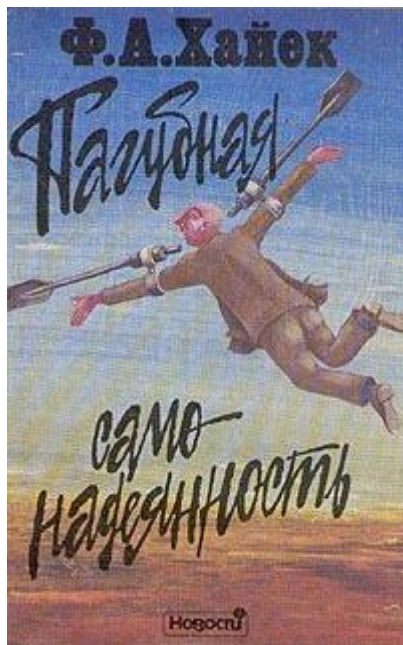

Фридрих Хайек. Пагубная самонадеянность

«Пагубная самонадеянность» – последняя работа профессора Ф.А. Хайека, выдающегося австро-американского экономиста, лауреата Нобелевской премии. В книге подводится итог более чем полувековым размышлениям над природой необычайной и губительной для человечества популярности социалистических идей в XIX и XX вв., а также над причинами, которые делали неизбежным провал всех и всяческих проектов построения социалистического общества.

Фридрих Хайек. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – 304 с.

Введение. Был ли социализм ошибкой?

Идея социализма в одно и то же время грандиозна и проста... В самом деле, можно сказать, что это одно из самых честолюбивых порождений человеческого духа... Она столь великолепна, столь дерзка, что правомерно вызвала величайшее восхищение. Мы не вправе небрежно отбросить социализм в сторону, мы должны опровергать его, если хотим сласти мир от варварства. [Людвиг фон Мизес](#) говорит о том, что возникновение нашей цивилизации и сохранение ее в дальнейшем зависят от феномена, который можно точнее всего определить как «расширенный порядок человеческого сотрудничества» – порядок, чаще именуемый, хотя и не вполне удачно, капитализмом. Для понимания нашей цивилизации необходимо уяснить, что этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определенным традиционным и, главным образом, моральным практикам. Эти обычаи довольно быстро распространились благодаря действию эволюционного отбора, обеспечивающего, как оказалось, опережающий рост численности и богатства именно тех групп, что следовали им.

Кроме распределения продуктов с помощью рыночной конкуренции мы не знаем никакого иного способа информировать индивидов о том, куда каждый из них должен направить свои усилия, чтобы его вклад в создание совокупного продукта оказался максимальным. Конфликт между сторонниками (с одной стороны) спонтанного расширенного человеческого порядка, создаваемого рыночной конкуренцией, и теми (с другой стороны), кто выступает за сознательную организацию человеческих взаимоотношений центральной властью, опирающейся на коллективное распоряжение имеющимися ресурсами, вытекает из фактической ошибки последних в понимании того, как возникают и используются знания об этих ресурсах.

Научный анализ показывает, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка (а эти традиции не удовлетворяют канонам и нормам рационализма, принятым у большинства социалистов), мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике.

Требования социализма не выводятся как моральный итог из традиций, сформировавших расширенный порядок, который в свою очередь сделал возможным существование цивилизации. Скорее, они являются попыткой разделаться с этими традициями, заменив их рационально сконструированной системой морали, притягательность которой кроется в том, что обещаемые результаты отвечают инстинктивным влечениям человека.

Согласно социалистическим воззрениям, коль скоро люди оказались способными породить некую систему правил, координирующих их действия, для них должна оказаться посильной и задача изобретения системы даже лучше и поприятней. Однако если человечество обязано самим своим существованием какой-то конкретной, регулируемой правилами форме поведения, подтвердившей свою действенность, то оно попросту не может предпочесть другую форму поведения исключительно из-за кажущейся привлекательности ее непосредственно видимых результатов. *Спор о рыночном порядке и социализме есть спор о выживании – ни больше, ни меньше.*

Экономистами и биологами установлен поразительный факт, суть которого состоит в том, что порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла, может намного превосходить сознательно вырабатываемые людьми планы.

Представление, что в конечном счете весь спор сводится к спору о ценностях, а не о фактах, не позволило профессиональным исследователям рыночной системы достаточно убедительно доказать, что социализм просто-напросто не может выполнить свои обещания. Я не считаю, что получившее широкое хождение понятие «социальной справедливости» описывает какое-то возможное положение дел или хотя бы вообще имеет смысл, и надеюсь доказать это ниже.

Утверждение, что мы вынуждены сохранять капитализм, поскольку он обладает наивысшей способностью использовать рассеянное знание, порождает вопрос: каким образом мы получили этот незаменимый экономический порядок? Наши моральные нормы не порождены инстинктом и не являются творением разума, а представляют собой самостоятельный феномен. Этот феномен играет поразительную роль, позволяя нам применяться к проблемным ситуациям и к обстоятельствам, далеко выходящим за рамки возможностей нашего разума. Развитие наших нравственных традиций (как и многих других аспектов человеческой культуры) происходило одновременно с развитием нашего разума, а не являлось его продуктом. *Традиции морали совершеннее способностей разума.*

Глава первая. Между инстинктом и разумом

Нравственные законы, о которых принято говорить, что они порождены самой природой, порождаются в действительности тем же обычаем.

М. Монтень

Понять, что обеспечило существование человечества в его нынешнем составе и численности, значит обнаружить и понять постепенно вырабатывавшиеся правила человеческого поведения (особенно касающиеся честности, договоров, частной собственности, обмена, торговли, конкуренции, прибыли и частной жизни). Эти правила передаются благодаря традициям, обучению, подражанию, а не инстинкту. Человечество создало цивилизацию, развивая определенные правила поведения и приучаясь следовать им. Зачастую эти правила запрещали индивиду совершать поступки, диктуемые инстинктом. Я именно к ним применял бы термин «мораль»), они сдерживают и подавляют «естественную мораль», т.е. те инстинкты, которые спланировали малую группу и обеспечивали сотрудничество внутри нее,

Понятие «мораль» имеет смысл только при противопоставлении ее импульсивному, нерелексивному поведению, с одной стороны, и рациональному расчету, нацеленному на получение строго определенных результатов, – с другой. Врожденные рефлексы не имеют нравственного измерения.

С самого своего рождения экономическая наука взялась изучать, как возникает расширенный порядок человеческого взаимодействия в процессе опробования вариантов: их отсева и отбора – процессе, не подвластном нашему воображению или нашей способности планировать. [Адам Смит](#) был первым, кто понял, что методы упорядочения экономического сотрудничества, на которые

мы натолкнулись, не уместаются в пределах нашего знания и нашего восприятия. Современная экономическая наука объясняет возникновение подобного расширенного порядка и то, почему он, являясь не чем иным как процессом переработки информации, способен собирать и использовать информацию, широко рассеянную – такую, которую ни один орган централизованного планирования (не говоря уже об отдельном индивиде) не может ни знать в полном объеме, ни усваивать, ни контролировать. Человеческое знание, как было известно еще Адаму Смиту, распылено.

Такие институты по сбору и передаче информации, как рынок, позволяют нам использовать это рассеянное и незримое знание для формирования надындивидуальных схем. Даже в биологическом мире «эволюционные изменения, в общем, нацелены на максимальную экономию в использовании ресурсов», и «эволюция, таким образом, «вслепую» движется по пути максимального использования ресурсов». Этика – это наука о способах распределять ресурсы. Все это указывает на тесные взаимосвязи между эволюцией, биологией и этикой. Понятие порядка, так же, как и понятия ближайших его эквивалентов – «системы», «структуры» и «модели» – постигаются с трудом.

Ценности или цены, складывающиеся в результате рыночного взаимодействия, – это еще одна, дополнительно надстраиваемая система классификации типов действий – классификации с точки зрения их значимости для порядка, отводящего индивиду роль всего лишь одного из элементов целого, того целого, которого он вовсе и не создавал.

Наши сегодняшние трудности возникают частично из-за того, что мы вынуждены постоянно приспосабливать нашу жизнь, наши мысли и эмоции к одновременному проживанию внутри различного типа порядков, сообразуясь с различными правилами. Если бы нам приходилось однозначно, ничем не смягчая и не корректируя, переносить правила микрокосма (т.е. малой группы или стада, или, скажем, наших семей) на макрокосм (на более широкий мир нашей цивилизации), к чему нас нередко подталкивают наши инстинкты и сентиментальные порывы, то мы разрушали бы макрокосм. Вместе с тем, если бы мы всегда применяли правила расширенного порядка в нашем более интимном кругу общения, то мы бы уничтожили его. Следовательно, мы должны научиться жить в двух мирах одновременно.

Конфликт между тем, что инстинктивно нравится, и прививаемыми правилами поведения, позволившими людям увеличить свою численность, – конфликт, возникающий из-за дисциплины, диктуемой «репрессивными или запретительными традициями морали» – это, пожалуй, главная тема истории цивилизации. Я полагаю, что атавистическая (от слова [атавизм](#)) тоска по жизни благородного дикаря является основным источником коллективистской традиции. Человек естественный не вписывается в расширенный порядок. Этот порядок носит сугубо «неестественный» характер – в прямом значении этого слова. Ибо он не сообразуется с биологическим естеством человека.

Одним из красноречивых свидетельств того, сколь превратно понимается присущий рынку принцип упорядочения, служит расхожее мнение, что «сотрудничество (кооперация) лучше конкуренции». Сотрудничество, как и солидарность, предполагает большую степень согласия как по поводу целей, так и по поводу средств их достижения. Оно имеет смысл в малой группе, члены которой обладают сходными привычками, знаниями и представлениями о своих возможностях. Оно едва ли имеет какой-либо смысл, когда проблема заключается в приспособлении к незнакомым обстоятельствам. Однако в основе координации усилий в рамках расширенного порядка лежит именно приспособление к неизвестному. Конкуренция представляет собой процедуру открытия, узнавания нового – процедуру, присущую эволюции во всех ее формах, заставляющую человека помимо собственной воли вписываться в новые ситуации. И именно за счет возрастающей конкуренции, а не за счет солидарности повышается постепенно наша эффективность.

Только общие правила поведения могут придать единство расширенному порядку. В условиях спонтанного порядка незачем знать ни обо всех преследуемых целях, ни обо всех используемых средствах, чтобы учитывать их в своем поведении. В этом нет нужды, поскольку такой порядок формируется сам по себе. И если правила, создающие порядок, становятся все более совершенными, так это не потому, что люди начинают лучше понимать свою задачу, а потому, что

процветания достигают те группы, которым удастся изменить правила поведения так, чтобы способность к адаптации у них возростала.

Если цивилизация сложилась в результате постепенных непреднамеренных изменений морали, тогда, как ни противоречит это нашим хотениям, мы должны навсегда оставить надежду на создание какой бы то ни было имеющей универсальную значимость системы этики. Признавая, что правила отбираются в основном в процессе конкуренции в соответствии с их относительной ценностью для выживания человека, мы никоим образом не ограждаем их от тщательного критического разбора. Верное понимание культурной эволюции, по существу, обеспечивает своего рода «презумпцию невиновности» утвердившимся правилам поведения, а бремя доказательства их нецелесообразности ложится на плечи тех, кто требует их пересмотра.

Пожалуй, самая важная способность, которой наряду с врожденными рефлексами человеческий индивид наделен генетически, – это его способность в ходе обучения приобретать навыки преимущественно путем подражания. Ввиду этого важно с самого начала избавиться от представления, рожденного «пагубной самонадеянностью», как я ее называю, т.е. от идеи, что источник способности приобретать навыки – это разум. Ведь на самом деле все наоборот: наш разум – такой же результат процесса эволюционного отбора, как и наша мораль.

Название настоящей главы – «Между инстинктом и разумом» – надо понимать буквально. Меня занимает эволюция культуры и морали, эволюция расширенного порядка, которая, с одной стороны выходит за рамки инстинкта и часто противостоит ему и которую, с другой стороны разум не в состоянии был спроектировать или сотворить.

Усвоение правил поведения – это по большей части источник, а не результат интуиции, разума и понимания. Человек не рождается мудрым, рациональным и добрым – чтобы стать таким, он должен обучиться. Наша мораль отнюдь не есть продукт нашего интеллекта; скорее, человеческое взаимодействие, регулируемое нашими моральными нормами, делает возможным развитие разума и способностей, связанных с ним. Человек стал мыслящим существом благодаря усвоению традиций – т.е. того, что лежит между разумом и инстинктом. Эти традиции, в свою очередь, ведут происхождение не от способности рационально интерпретировать наблюдаемые факты, а от привычных способов реагирования.

Человеческое сознание – это не столько поддающиеся проверке знания о внешнем мире или осуществляемые человеком интерпретации непосредственного своего окружения, сколько способность обуздывать инстинкты – способность, которую нельзя наблюдать на примере индивидуального разума, поскольку она проявляется только в группе. Можно ли про индивида, не имевшего возможности приобщиться к культурным традициям, сказать, что он вообще обладает сознанием.

Основная ошибка современной [социобиологии](#) заключается, может быть, в предположении, что язык, мораль, право и тому подобное передаются в ходе «генетических» процессов, которые раскрывает современная молекулярная биология, а не являются продуктами эволюционного отбора, передающимися путем обучения через подражание. Эта идея столь же ошибочна, как и прямо противоположное ей представление, будто человек сознательно придумывал или изобретал такие институты, как мораль, право, язык или деньги, и, следовательно, может их усовершенствовать по своему желанию. Данное представление происходит от суеверия, с которым приходилось бороться эволюционной теории в биологии и суть которого в том, что у всякого порядка должен существовать свой творец.

Глава вторая. Происхождение свободы, собственности и справедливости

Если моральные нормы и традиции, а не интеллект и расчетливый разум позволили людям подняться над уровнем дикарей, то основы собственно современной цивилизации были заложены в античном Средиземноморье. Здесь оказались возможными торговые связи между достаточно отдаленными друг от друга регионами; и общины, позволявшие своим членам свободно применять их индивидуальные знания, получали преимущество перед общинами, где деятельность каждого из членов определялась тем, что знали все живущие в данной местности, или знаниями правителя. Насколько нам известно, именно в Средиземноморье отдельная

личность впервые получила право самостоятельно распоряжаться собственностью. Индивидуализированная собственность (автор предпочитает использовать это понятие вместо более узкого – частная собственность) составляет ядро моральных норм любой развитой цивилизации; а древние греки, по-видимому, первыми поняли, что она к тому же неотделима от свободы индивида.

Рим, управляемый сенаторами, интересы которых были зачастую тесно связаны с коммерческой деятельностью, явил миру прообраз частного права, основанного на понятии индивидуализированной собственности в ее наиболее абсолютной форме. Упадок и окончательное крушение первого в истории расширенного порядка произошли только тогда, когда центральная власть в Риме стала настойчиво вытеснять свободную инициативу. Цивилизация может распространяться, но, вероятно, не может сильно продвигаться вперед при правлении, отбирающем у граждан и берущем на себя руководство повседневными делами.

Правительства, способные защитить индивидов от насилия своих же сограждан, делают возможным развитие все более сложного порядка, основанного на спонтанном и добровольном сотрудничестве. Однако рано или поздно появляется тенденция злоупотреблять этой властью, подавляя свободу, которую прежде охраняли, навязывая свою якобы большую мудрость и не позволяя «общественным институтам развиваться хаотично».

Если упадок Рима не смог навечно остановить процессы эволюции в самой Европе, то сходным начинаниям в Азии (а позже и независимо от Азии – в Центральной Америке) был положен конец могущественными правительствами, которые также успешно подавляли частную инициативу. В императорском Китае, самой примечательной из этих стран, огромное продвижение вперед к цивилизации и сложной промышленной технологии происходило в периодически повторявшиеся «эпохи смут», когда правительственный контроль временно ослаблялся. Точно так же по поводу возрождения европейской цивилизации в период позднего средневековья можно сказать, что распространение капитализма – и европейской цивилизации – своим происхождением обязано политической анархии.

К современному индустриализму пришли отнюдь не там, где правительства были сильнее, а в городах итальянского Возрождения, Южной Германии, Нидерландов и, наконец, в Англии с ее мягкой системой правления, т.е. там, где правили горожане, а не воины. Плотная сеть обмена услугами, придающая очертания расширенному порядку, основательно разрасталась при защите индивидуализированной собственности, а не при государственном управлении ее использованием. Отсюда следует, что не существует большего заблуждения, чем общепринятая формула историков, которые представляют появление сильного государства как кульминацию культурной эволюции: оно столь же часто служило признаком ее конца.

[Монтескье](#) высказал суждение, что именно торговля способствовала распространению цивилизации и смягчению нравов среди варваров. [Давид Юм](#) в своей «Истории Англии» объяснял величие этой страны именно ограничениями на вмешательство в дела собственности, налагаемыми на правительственную власть.

Позволим себе сделать несколько замечаний по поводу одной конкретной формы собственности. Мне представляется, что аргументы в пользу авторского права почти целиком исчерпываются соображением, что такие в высшей степени полезные труды, как энциклопедии, словари, учебники и другие работы подобного рода, не могли бы быть созданы, если бы после написания их разрешалось свободно воспроизводить.

Элементами спонтанного макропорядка являются отдельные хозяйства как индивидов, так и сознательно управляемых организаций (см. также [Рональд Коуз. Фирма, рынок и право](#)).

Глава третья. Эволюция рынка: торговля и цивилизация

Археологические находки свидетельствуют, что широчайшее распространение торговли, позднее сделавшее возможным быстрый рост античной цивилизации, произошло в период, о котором не имеется почти никаких исторических документов, т.е. в течение двух столетий примерно с 750 по 550 год до н. э. По всей видимости, распространение торговли привело примерно в то же время и к стремительному росту населения в [греческих и финикийских ее центрах](#). Соперничество между

ними при создании колоний было настолько сильным, что к началу эпохи античности жизнь в этих великих центрах культуры стала полностью зависеть от регулярных рыночных процессов. Стало возможным появление оседлых занятий и, следовательно, специализации во многих новых местностях. Торговля сделала возможной высокую плотность заселения Земли.

В то время как некоторые животные приспосабливаются к конкретным и довольно ограниченным экологическим «нишам», вне которых они вряд ли могут существовать, люди и кое-какие другие животные, скажем, крысы, смогли приспособиться к жизни практически на всей поверхности земли. Произошло это отнюдь не благодаря приспособлению индивидов. Лишь в немногих относительно малых по территории местностях небольшие отряды охотников и собирателей были в состоянии обеспечить себя всем, что необходимо для оседлого существования групп, пользующихся самыми примитивными орудиями труда. По всей вероятности, в каждом отдельном регионе немногие из существовавших экологических ниш, дающих возможность относительного самообеспечения, заселялись для постоянного обитания в первую очередь и охранялись от внешнего вторжения. Но все же люди, живущие в этих регионах, начинали узнавать о местах по соседству, где могли обеспечиваться если не все, то хотя бы основная часть их потребностей и где не хватало лишь того, что им требовалось от случая к случаю: кремня, тетивы для лука, клея, чтобы прикрепить резцы к рукояткам, дубильных материалов для обработки шкур и прочего в этом роде. Будучи уверенными, что эти потребности можно удовлетворить, посещая время от времени места своего прежнего проживания, они оставляли свои группы и поселялись на каких-либо землях по соседству или на других необжитых и еще более отдаленных территориях в других частях малозаселенных континентов.

В конце концов, человеческий род сумел заселить большую часть земли достаточно плотно, что дало возможность поддерживать жизнь значительного числа людей даже в тех регионах, где нельзя было производить на месте никаких предметов жизненной необходимости. Наблюдателю из космоса заселенность земной поверхности и все большие изменения ее облика могут показаться явлениями органического роста. На деле же все не так: это происходило благодаря тому, что индивиды следовали традиционным обычаям и правилам, а не повиновались требованиям инстинктов.

Складывается впечатление, что всевластные правительства, вновь и вновь наносившие сильнейший урон спонтанному прогрессу, уже в древности привели процесс культурной эволюции к краху. В истории Китая также было немало случаев, когда правительство пыталось навязать столь совершенный порядок, что дальнейшие нововведения становились невозможными. В средние века эта страна намного обогнала Европу в своем техническом и научном развитии. И, безусловно, манипулятивной власти собственных правительств она обязана стагнацией, сменившей прогресс предшествующего периода. К отставанию от Европы высокоразвитую цивилизацию Китая привели его правительства, так сильно зажимавшие общество в тиски, что ничему новому не оставалось простора для развития. В то же время Европа обязана своим необыкновенным продвижением вперед воцарившейся в ней в средние века политической анархии.

Изучение процесса упорядочения человеческой жизни привел Аристотеля к теории этики, годной разве что для стационарного государства. Однако его доктрины господствовали в философской и религиозной мысли на протяжении следующих двух тысяч лет – при том, что эта религиозная и философская мысль развивалась в условиях высоко динамичного, быстро расширяющегося порядка. Влияние осуществленной Аристотелем систематизации принципов морали, характерных для микропорядка, многократно возросло с принятием в XIII веке учения Аристотеля Фомой Аквинским.

Следствием этого стало провозглашение аристотелевской этики фактически официальным учением римско-католической церкви. Негативная оценка торговли церковью в средние века и в начале Нового времени, осуждение взимания процентов как лихоимства, церковное учение о справедливой цене и презрительное отношение к прибыли насквозь пропитаны духом аристотелизма. Конечно, к XVIII веку влияние Аристотеля в этих вопросах ослабело. Давид Юм отмечал, что рынок позволил «оказывать другому человеку услугу, даже не чувствуя к нему истинного расположения» и даже не зная его, или действовать с выгодой «для всего общества, хотя изобретатели [системы поведения]... и не имели в виду этой цели» в силу существования

порядка, при котором «действовать на благо общества оказывается в интересах даже дурного человека». Благодаря этим прозрениям в человеческое сознание вошло и понятие самоорганизующейся структуры, ставшее с тех пор основой нашего понимания всех этих сложных порядков, казавшихся прежде чудом, которое мог сотворить только некий разум, представлявшийся на манер хорошо знакомого человеку его собственного разума, но только наделенного сверхчеловеческими способностями.

Тем не менее (и по сути дела вразрез с этим громадным продвижением вперед) в социальной теории стали господствовать пропитанные аристотелизмом наивные и младенческие анимистические¹ представления о мире, которые и легли в основу социалистической мысли.

Глава четвертая. Бунт инстинктов и разума

Необходимо остерегаться мнения, будто применение научного метода усиливает мощь человеческого разума. Ничто не опровергается опытом так решительно, как уверенность в том, что человек, добившийся выдающихся успехов в одной или даже нескольких областях науки, может судить о повседневных делах разумнее, чем кто бы то ни было другой.

Уияфред Троттер

Рационализму, в новые времена идущему от [Рене Декарта](#), свойственно не только отвергать традиции, но и утверждать, будто чистый разум может непосредственно, без промежуточных звеньев, обслуживать наши желания, а также – исходя только из самого себя – создавать новый мир, новую мораль, новое право и даже новый очищенный язык.

Жан-Жак Руссо заявил о желании освободить людей от всех «искусственных» ограничений. Провозгласив животный инстинкт руководящим принципом в деле упорядочения сотрудничества между людьми, причем принципом, по совершенству весьма превосходящим и традиции, и разум, Руссо вслед за тем изобрел такую химеру, как воля народа, или «общая воля», благодаря которой народ «выступает как обычное существо, как индивидуум». Это, пожалуй, и есть главный источник самонадеянного пагубного рационализма современных интеллектуалов.

Как мы уже видели, дикарь отнюдь не был свободен. На самом деле без согласия группы, к которой он принадлежал, он мог предпринять очень немногое. Руссо выдал интеллектуальную лицензию на пренебрежительное отношение к ограничениям, налагаемым культурой, на правомерность попыток обрести «свободу» от ограничений, способствовавших возникновению самой свободы, и на то, чтобы эти нападки на фундамент свободы звались «освобождением». После этого собственность становилась все более подозрительной, и ее уже не всюду признавали ключевым фактором создания расширенного порядка. Все чаще и охотнее стали высказываться предположения, что правила, регулирующие разграничение и передачу индивидуализированной собственности, можно заменить принятием централизованных решений об ее использовании.

[Иеремия Бентам](#) разработал наиболее последовательную систему того, что мы сейчас называем правовым или моральным позитивизмом. Я имею в виду конструктивистскую интерпретацию систем права и морали, в соответствии с которой предполагается, что их действенность и значение всецело зависят от воли и намерения их создателей.

Главный пункт моих рассуждений – что нормы морали (включая, в частности, наши институты собственности, свободы и справедливости) являются не творением человеческого разума, а определенным дополнительным даром, которым наделила человека культурная эволюция, – идет вразрез с основным умонастроением XX века. Влияние рационализма было настолько глубоким и всепроникающим, что в принципе, чем умнее образованный человек, тем более вероятно, что он (или она) разделяет не только рационалистические, но и социалистические взгляды. Я выступаю против подобного рационализма, потому что он объявляет свои эксперименты при всей их избитости детищем разума, обряжает их в одежды псевдонаучной методологии и, подвергая бесценный опыт традиций (плод многовекового эволюционного экспериментирования методом проб и ошибок) необоснованным нападкам, укрывает свои собственные «эксперименты» от критического анализа.

¹ [Анимизм](#) — вера в существование души и духов, вера в одушевленность всей природы.

Людам свойственно, как правило, переоценивать интеллект и полагать, будто мы должны быть обязаны всеми преимуществами и возможностями, которые дает нам цивилизация, сознательному замыслу, а не следованию традиционным правилам поведения. Точно так же они склонны полагать, что мы можем, употребив свой разум, устранить любые остающиеся нежелательные явления посредством все углубляющейся мыслительной рефлексии, все более целесообразных проектов и все более «рациональной координации» предпринимаемых действий. Это располагает к благосклонному принятию централизованного экономического планирования и контроля, образующих сердцевину социализма.

Поскольку же их учили, что наука и использование разума всецело сводятся к конструктивизму и сциентизму², им трудно поверить в существование какого-либо полезного знания, возникшего отнюдь не в результате преднамеренного экспериментирования, или признать ценность каких-либо иных традиций, помимо их собственной традиции разумности. Создается впечатление, будто доверия заслуживает только то, что поддается рациональному обоснованию; только то, что можно установить путем наблюдаемого эксперимента; только то, что можно проверить экспериментально; только то, что можно наблюдать.

Это в свою очередь прямо ведет к утверждению, что создавшие и создающие нашу культуру основополагающие моральные традиции, которые, конечно же, нельзя обосновать таким путем и которые часто вызывают неприязнь, не стоят того, чтобы за них держаться, и наша задача должна заключаться в конструировании новой морали на основе научного знания – обычно этой новой моралью оказывается мораль социалистическая.

Эти определения содержат следующие послышки: 1) идею, что неразумно следовать тому, что не поддается научному обоснованию или не подтверждается наблюдением; 2) идею, что неразумно следовать тому, что непонятно; 3) связанную с предыдущими идею, что неразумно придерживаться определенной линии поведения, если ее цель полностью не определена заранее; 4) также тесно связанную с предыдущими идею, что неразумно делать что-либо, если все следствия этого не известны заранее и если, вдобавок, эти полностью наблюдаемые и осознаваемые следствия не выгодны.

Все блага цивилизации и само наше существование зависят, как я полагаю, от продолжения нашего желания нести бремя традиций. Одно из этих благ – наша свобода. Свобода требует, чтобы индивид имел возможность преследовать свои собственные цели. Подобная свобода принимать индивидуальные решения становится возможной благодаря определению четких границ прав индивида (например, прав собственности) и разграничения сфер, в пределах которых каждый может распоряжаться доступными ему средствами в своих собственных целях, иными словами, каждому человеку устанавливается узаконенная сфера свободы. Это в высшей степени важно, ведь обладание чем-то своим, собственным, пусть и совсем малым, – это фундамент формирования самостоятельной личности и особой среды, в рамках которой могут беспрепятственно преследоваться конкретные индивидуальные цели.

Однако широко распространенное представление о возможности некоей свободы при отсутствии ограничений сильно запутало дело. Всеобщая свобода в этом смысле невозможна, поскольку свобода каждого будет нарушать неограниченную свободу (т.е. отсутствие ограничений) для всех остальных. Вопрос, следовательно, состоит в том, как обеспечить наибольшую возможность свободы для всех. Этого можно достичь, одинаково ограничив свободу всех с помощью единых абстрактных правил, предотвращающих произвол, дискриминацию или насилие со стороны одних людей по отношению к другим, препятствующих вторжению кого бы то ни было в сферу личной свободы каждого человека.

Совместные конкретные цели заменяются едиными абстрактными правилами. Правительство необходимо лишь для того, чтобы принуждать к исполнению этих абстрактных правил и тем самым ограждать индивида от насилия или вмешательства в сферу его личной свободы со стороны других. В то время как принудительное подчинение совместным конкретным целям равносильно рабству, подчинение единым абстрактным правилам (сколь бы тяжким ни казалось

² [Сциентизм](#) — название идейной позиции, представляющей научное знание наивысшей культурной ценностью и основополагающим фактором взаимодействия человека с миром.

их бремя) обеспечивает простор для самой широкой свободы и разнообразия. Хотя иногда предполагается, будто такое разнообразие приводит к хаосу, ставящему под угрозу порядок, который связан с подчинением совместным целям и который также ассоциируется у нас с цивилизацией, все же оказывается, что большее разнообразие приводит к большему порядку.

Глава пятая. Пагубная самонадеянность

Еще более 250 лет назад Юм заметил, что «правила морали не являются заключениями нашего разума». Люди, гордясь выстроенным ими миром, как если бы он был создан по их проекту, и упрекая себя за то, что не спроектировали его лучше, вознамерились приступить именно к последнему. Цель социализма состоит ни больше ни меньше как в том, чтобы полностью перестроить наши традиционные нормы морали, права и языка, и на этом основании искоренить прежний порядок и якобы жестокое, ничем не оправданное положение, мешающее воцарению разума, самореализации, истинной свободы и справедливости.

Однако рационалистические стандарты, на которых строится вся эта аргументация, представляют собой благие пожелания. Ничто не может быть обосновано, если исходить из выдвигаемых конструктивизмом требований: не только нормы морали, но и язык, право и даже сама наука. Истина, однако, состоит не только в том, что законы нашей современной науки не обоснованы или не могут быть обоснованы в соответствии с требованиями методологов конструктивизма, но и в том, что у нас есть все основания считать, что нам, в конце концов, откроется ошибочность многих наших нынешних научных предположений.

Как показал Карл Поппер (подробнее см. [Карл Поппер. Логика научного исследования](#)), наша цель должна заключаться в том, чтобы возможно быстрее пройти путь ошибок, последовательно совершая их одну за другой. Между тем если бы мы отказались от всех теперешних представлений, истинность которых доказать не в состоянии, то очень скоро снова были бы отброшены назад на уровень дикаря, доверяющего только своим инстинктам.

Более того, хотя и верно, что традиционные нравы и пр. не поддаются рациональному обоснованию, но точно так же это верно и в отношении любого возможного морального кодекса, включая любой кодекс, до которого могут когда-либо прийти социалисты. Отсюда вытекает, что, каким бы правилам мы ни следовали, мы не в состоянии обосновать их, как того требует рационализм; и никакие аргументы, касающиеся морали – или науки, права, языка, – никоим образом не могут зависеть от проблемы их обоснования

Следует указать на отсутствие смысла в утверждениях рационалистических и гедонистических³ теорий этики, будто наша мораль обоснована – скажем так – лишь до тех пор, покуда она направлена или устремлена на достижение некоей конкретной цели, например, счастья. Многие подсказывает нам, что те, кто просто стремились к счастью, были бы вытеснены теми, кто хотел всего лишь сохранить свою жизнь. В то время как наши традиции морали нельзя сконструировать, обосновать или доказать требуемым способом, можно частично реконструировать процесс их формирования и попытаться при этом понять те потребности, которым они служат.

Если расстаться с утверждением конструктивистов о возможности изначального разумного замысла и сотворения с помощью разума удовлетворительной системы морали, то остается, по меньшей мере, еще два возможных истока нравственности. Во-первых, мы уже видели, что есть, так сказать, врожденная мораль наших инстинктов (солидарность, альтруизм, групповое принятие решений и т.п.) с вытекающими отсюда обычаями, не вполне подходящими для поддержания нашего нынешнего расширенного порядка и нынешней численности населения. Во-вторых, существуют благоприобретенные нравственные правила (бережливость, уважение к собственности, честность и т.д.), создавшие и поддерживающие расширенный порядок.

Расширенный порядок зависит от этой морали, он и возник благодаря тому факту, что группы, следовавшие ее основным правилам, опережали другие по увеличению численности и богатства. Парадокс нашего расширенного порядка и рынка (он же – камень преткновения для социалистов и конструктивистов) состоит в том, что в ходе этого процесса нам удастся полнее использовать

³ [Гедонизм](#) — этическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и целью жизни.

открытые нами ресурсы (и фактически именно благодаря ему быстрее открывать новые), чем было бы возможно при единолично управляемом процессе.

Мы сумеем яснее представить себе ситуацию, в которой фактически оказались, допустив, что наши традиционные институты, в самом деле, не доступны пониманию, а их цели или следствия, благоприятные или неблагоприятные, не определяются и не конкретизируются заранее. В расширенном порядке к числу обстоятельств, от которых зависит, что должен делать каждый для достижения своих целей, относятся – и это бросается в глаза – неизвестные нам решения множества других неизвестных нам людей по поводу средств, используемых ими для достижения их собственных целей. Отсюда следует, что в процессе эволюции не было таких моментов, когда индивиды могли бы в соответствии со своими целями сознательно спроектировать и поставить себе на службу правила, которые постепенно сформировали расширенный порядок.

Рыночная координация индивидуальной деятельности, подобно другим моральным традициям и институтам, сложилась в результате естественных, спонтанных и самоупорядочивающихся процессов приспособления к большему количеству конкретных фактов, чем могло бы воспринять, и тем более постичь любое отдельное сознание. Расширенный порядок возникает в процессе конкуренции, в котором все решает успех, а не одобрение со стороны великого ума, комитета или Бога, и не соответствие некоему принципу оценки индивидуальных достоинств, разделяемому всеми. При такой системе успехи одних оплачиваются неудачами других, приложивших не менее искренние и даже достойные усилия: вознаграждение дается отнюдь не за достоинства (скажем, не за соблюдение правил морали).

По [Канту](#), не существует никакого общего критерия оценки достоинств и заслуг, исходя из которого можно было бы судить о различных благоприятных возможностях, открывающихся перед разными индивидами, обладающими разной информацией, разными способностями и разными желаниями. Открытия, позволяющие кому-то преуспевать, по большей части носят непреднамеренный характер, и предвидеть их невозможно – это не под силу ни тем, кто преуспевает, ни тем, кто проигрывает.

Ценность продуктов, появляющихся в результате необходимых изменений в индивидуальной деятельности, мало кому покажется справедливой, ибо эти изменения вызываются непредвиденными обстоятельствами. Точно так же поступательное движение эволюции к тому, что прежде известно не было, не может казаться справедливым, поскольку оно не соответствует предвзятым представлениям о правильности и ошибочности, о «благополучии» или возможностях, имевшихся в прежде существовавших обстоятельствах. Понятное отвращение к такого рода результатам, нейтральным в нравственном отношении, результатам, неотделимым от процесса проб и ошибок, ведет к попыткам совмещать несовместимое, а именно: устанавливать контроль над эволюцией – т.е. процессом проб и ошибок, – подгоняя ее под свои сегодняшние желания.

Традиция – это результат отбора среди иррациональных или, точнее, «не поддающихся обоснованию» представлений; именно этот отбор, без чьего бы то ни было ведома и чьих бы то ни было намерений, способствовал численному росту групп, разделявших подобные представления. В процессе отбора, формировавшем обычаи и мораль, могло учитываться количество фактических обстоятельств – большее, чем то, которое могли воспринять индивиды; как следствие, традиция в определенных отношениях выше или «мудрее» человеческого разума.

Что же в эволюционном отборе правил поведения играет решающую роль? Немедленные последствия предпринимаемых действий, притягивающие к себе исключительное внимание большинства людей, практически не имеют значения для этого отбора; скорее, отбор происходит в соответствии с долгосрочными последствиями решений, продиктованных правилами поведения, – как раз с теми, над которыми насмеялся Кейнс (подробнее см. [Джон Мейнард Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег](#)). Эти последствия зависят главным образом от правил собственности и договора, охраняющих сферу частной жизни индивида. Люди не предвидели пользы правил до того, как приняли их, хотя некоторые постепенно начинали осознавать, чему они обязаны существованием всей системы.

Приобретенные традиции способствуют «адаптации к неизвестному». Приспособление к неизвестному – ключевой момент для всей эволюции, – и полной картины событий, к которым

постоянно приспосабливается современный рыночный порядок, в действительности не видит никто. Информация, используемая индивидами или организациями для приспособления к неизвестному, может быть только частичной и передается сигналами (т.е. ценами).

Сознательно спланированной замены такому самоупорядочивающемуся процессу приспособления к неизвестному быть не может. У экономической науки есть курьезная задача – показывать людям, сколь мало на деле знают они о том, что, как им кажется, они умеют создавать. Наивному сознанию, представляющему порядок только как результат намеренного устройства, может показаться абсурдным, что в сложных условиях порядок – и приспособление к неизвестному – эффективнее достигается при помощи децентрализованных решений и что рассредоточение власти способствует в действительности возможности создания всеобъемлющего порядка. Но подобная децентрализация ведет к тому, что во внимание начинает приниматься все больший объем информации. Требования конструктивистского рационализма не приемлемы, прежде всего, по этой причине. По этой же причине наиболее полное использование рассеянного знания достигается лишь при гибком рассредоточении возможностей распоряжаться конкретными ресурсами между множеством индивидов, способных на деле решать вопрос об их использовании, – рассредоточении, обусловленном свободой личности и индивидуализированной собственностью.

Рынок – это единственный доступный способ получать информацию, позволяющую индивидам судить о сравнительных преимуществах того или иного употребления ресурсов, о которых у них имеется непосредственное знание и, используя которые они, независимо от своих намерений, служат потребностям далеких, не знакомых им людей. Рассеянность этого знания представляет собой его сущностную характеристику, и его невозможно собрать вместе и вручить властям, вменив им в обязанность создание продуманного порядка.

Предварительное формирование некоего порядка или схемы в человеческом уме, или сознании, отнюдь не является лучшим, а напротив, это худший способ установления порядка. Ведь ум – это всегда лишь малая часть общей системы, и он в состоянии отразить только некоторые черты последней. Порядок, вырастающий из множества разрозненных индивидуальных решений, принятых на основе разнородной информации, не может определяться общепринятой шкалой относительной важности различных целей. Это приближает нас к проблеме предельной полезности.

Созданное эволюцией могло бы быть лучше, если бы создавалось с помощью человеческой изобретательности. Этот взгляд несостоятелен. Чем сложнее структура, появления которой мы добиваемся, тем жестче границы для нашего вмешательства. Попытки вмешаться в действие спонтанного порядка редко приводят к результатам, хотя бы отдаленно отвечающим пожеланиям людей, поскольку функционирование таких порядков определяется большим количеством конкретных фактов, чем может быть известно любому органу, осуществляющему вмешательство. Однако преднамеренное вмешательство, нацеленное, скажем, на сглаживание неравенства и продиктованное заботой об интересах произвольно выбранного участника такого порядка, связано с риском нарушить работу целого, тогда как процесс самоупорядочения будет предоставлять произвольно выбранному члену данной группы лучшие шансы на успех (причем при более широком наборе возможностей, доступных всем), чем это в состоянии сделать какая бы то ни было соперничающая система.

Тщетные поиски подлинно социалистического общества приводят интеллектуалов к идеализации бесконечной, по-видимому, череды «утопий», а затем и к разочарованию в них. Советский Союз, а потом Куба, Китай, Югославия, Вьетнам, Танзания, Никарагуа должны наводить на мысль, что, раз социализм не согласуется с известными фактами, значит, с ним что-то неладно. В это же время у тех, кто, следуя традиции Мандевиля, Юма и Смита, действительно изучали экономическую теорию, постепенно вызревало не только понимание рыночных процессов, но и острокритическое суждение о возможности замены их социализмом. Выгоды от этих рыночных механизмов настолько превосходили любые ожидания, что объяснить их действие можно было только ретроспективно, анализируя сам процесс их спонтанного формирования. И, когда это было сделано, обнаружилось, что децентрализованный контроль над ресурсами, контроль посредством индивидуализированной собственности, приводит к выработке и использованию большего количества информации, чем это возможно при централизованном управлении.

Глава шестая. Таинственный мир торговли и денег

Рынок не производит предметов, а передает информацию о них, но жизненно важная функция, которую играет распространение информации, ускользает от людей, подверженных механистическим и сциентистским предрассудкам. Они принимают фактическую информацию о физических объектах как само собой разумеющееся и не обращают внимания на роль, которую играет относительная редкость различного рода предметов при определении их ценности.

В экономической науке также существует ошибочная идея, которую проводил еще брат Карла [Менгера Антон](#). Согласно этой идее, источником «полного продукта труда» считаются прежде всего затраты физической энергии. Другой экономист [Джон Стюарт Милль](#) в своем труде «Основы политической экономии» писал, что в то время как «законы и условия производства богатства имеют характер, свойственный естественным наукам», распределение целиком является делом человеческого учреждения. Как только вещи появляются, люди, порознь или коллективно, могут поступать с ними как им заблагорассудится». Отсюда он заключал, что «общество может подчинить распределение произведенного богатства любым правилам, какие только оно может изобрести». Здесь Милль рассматривает объем продукта как проблему чисто технологическую, не зависящую от особенностей его распределения, упуская из виду зависимость объема выпуска от степени использования существующих возможностей, что представляет собой проблему экономическую, а не технологическую. Обилием продукта мы обязаны методам «распределения», т.е. системе рыночного ценообразования.

Считать, что «как только вещи появляются», мы вольны поступать с ними как нам заблагорассудится, просто неверно, потому что они и не будут произведены до тех пор, пока притязания индивидов на ту или иную долю в совокупном продукте не породят ценовой информации. Тем не менее, то, что всего лишь переход товаров из рук в руки может увеличивать их ценность для всех участников и что это необязательно означает выгоду одного в ущерб другим (или эксплуатацию, как принято ее называть), для интуиции было и остается трудно схватываемым. Многие продолжают легкомысленно относиться к умственным ухищрениям, связанным с торговой деятельностью. Богатство, приобретенное таким способом, кажется гораздо слабее связанным с какими-то явными (т.е. обусловленными физическими затратами) заслугами, чем удача охотника или рыбака. Обмен производителен; он позволяет наиболее полно удовлетворять человеческие потребности при наличных ресурсах.

Хотя это и может показаться парадоксом, разнообразие индивидуальных стремлений и намерений гораздо более способствует удовлетворению потребностей, чем однообразие, единодушие и контроль. Парадоксальна и причина этого, состоящая в том, что разнообразие дает людям возможность овладевать и распоряжаться большим объемом информации. Повышение ценности – решающее обстоятельство для обмена и торговли – отличается от непосредственно наблюдаемого увеличения физических объемов. Ценность – это указание на способность предмета или какой-либо деятельности служить удовлетворению человеческих потребностей, она устанавливается в ходе обмена, и не иначе как взаимным согласованием индивидуальных предельных норм замещения различных товаров и услуг.

Как поясняет [Карл Менгер](#), ценность – «это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания жизни и их благосостояния». [Теория предельной полезности](#) действительно объясняет, чем определяются спрос и предложение, как объемы производства различных товаров приводятся в соответствие с потребностями и как мера относительной редкости товаров, устанавливаемая в процессе взаимного приспособления на рынке, управляет действиями индивидов.

Полезность предмета или действия, обычно определяемая как его способность удовлетворять желания человека, не одинакова для разных индивидов – это суждение кажется сейчас настолько очевидным, что трудно понять, как серьезные ученые вообще могли когда-либо трактовать полезность как объективное, всеобщее и даже измеряемое свойство материальных объектов. То, что относительная полезность разных предметов для разных людей может быть выявлена, не дает оснований для сравнения их абсолютных величин.

Самое раннее из известных в англоязычном мире изложений идеи предельной полезности принадлежит [У.С. Джевонсу](#). Однако его идеи не были поддержаны. Повторно теории предельной

полезности «открыл» австриец Карл Менгер. Два его ученика ([Евгений фон Бем-Баверк](#) и [Фридрих фон Визер](#)) продолжили его работу и положили начало научной традиции «австрийской школой». Сделав акцент на так называемом субъективном характере экономических ценностей, она выработала новую парадигму для объяснения структур, возникающих в итоге человеческого взаимодействия без всякого предварительного замысла. Однако в последние сорок лет ее вклад в науку был заслонен развитием [макрэкономии](#), пытающейся устанавливать причинные связи между гипотетически измеряемыми сущностями, или статистическими совокупностями. Я признаю, что иногда при помощи этих связей можно указать на какие-то смутные вероятности, но, разумеется, они не объясняют процессов, их обуславливающих. Однако иллюзия, будто макрэкономика жизнеспособна и полезна, укоренилась в общественном мнении.

Решающим шагом на пути к пониманию роли относительных цен в определении наилучшего способа использования ресурсов стало совершенное [Давидом Рикардо](#) открытие принципа сравнительных издержек. Людвиг фон Мизес справедливо заметил, что этот принцип следовало бы называть «рикардианским законом образования связей». Суть его в том, что уже само соотношение цен говорит предпринимателю, где прибыль в достаточной мере превышает издержки и в какое именно дело ему выгоднее вложить свой ограниченный капитал. Сигналы такого рода направляют его к невидимой цели – удовлетворению желаний далеких, не знакомых ему потребителей конечной продукции. Не поняв, каким образом в процессе обмена относительная ценность товаров определяется их предельной полезностью, невозможно осмыслить порядок, от которого зависит пропитание живущей ныне огромной массы человеческих существ. С этими вопросами должен быть знаком каждый образованный человек.

Прямой задачей всякого носителя каких бы то ни было знаний и навыков могло бы стать содействие сообществу в утолении его нужд при помощи вклада, вносимого индивидом по своему выбору. Система разделения труда, знаний и умений, на которой зиждется передовая цивилизация, обязана своим существованием именно развитию духа индивидуализма. Поглощенный погоней за прибылью презренный обыватель и сделал возможным современный расширенный порядок, современную технологию и современный гигантский рост населения.

Утаивать дающую преимущества информацию и использовать ее для извлечения частной, или личной, выгоды до сих пор считается не вполне приличным. И эти первобытные повадки сохраняли живучесть еще долгое время после того, как специализация стала единственным путем, ведущим к использованию получаемой информации во всем ее бесконечном разнообразии. Такие реакции и сегодня продолжают влиять на политические взгляды и действия, препятствуя развитию наиболее эффективной организации производства и подкрепляя ложные надежды, внушаемые социализмом.

Предубеждение, порождаемое недоверием к таинственному, достигает крайних пределов, когда речь заходит о наиболее абстрактных институтах развитой цивилизации, от которых зависит торговля и через которые опосредуются самые общие, косвенные, отдаленные и чувственно не воспринимаемые последствия индивидуальных действий – деньгах и финансах. Функционирование денег и кредитной системы, так же как язык и мораль, представляет собой случай спонтанного порядка, хуже всего поддающийся попыткам адекватного теоретического объяснения, и оно остается предметом серьезных разногласий между специалистами.

Исключительная разносторонность денег делает их одновременно столь полезными для обладателя и столь подозрительными для моралиста. Их умелое использование, приносимые ими огромная выгода и власть кажутся, как и в случае торговли, не связанными с физическими усилиями и признанными человеческими достоинствами, и больше того – не имеющими под собой вообще никакого материального основания (как в случае «делок, существующих только на бумаге»). Ремесленников и кузнецов боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?! Подобно морали, праву, языку и биологическим организмам денежные институты есть порождение спонтанного порядка – и точно так же подчинены принципам изменчивости и отбора.

Вмешательство в процессы отбора чувствуется здесь сильнее, чем где бы то ни было еще: на пути эволюционного отбора становится государственная монополия, и это делает невозможным экспериментирование в ходе конкуренции. Под патронажем государства денежная система разрослась и усложнилась немислимо, а экспериментировать в частном порядке и проводить отбор альтернативных денежных средств практически не разрешалось, так что нам до сих пор совершенно не известно, что такое «хорошие деньги» или насколько они могли бы быть «хороши». При том, что деньги – неотъемлемое условие функционирования расширенного порядка, возникающего при сотрудничестве свободных людей, правительства бесстыдно злоупотребляли ими, чуть ли не с момента их появления, так что они стали основной причиной расстройства процессов самоорганизации в расширенном порядке человеческого сотрудничества.

Возможности рыночной экономики могли бы раскрываться гораздо полнее, если бы была упразднена государственная монополия на деньги. У рыночного порядка, торговли, денег и финансовых институтов есть одна особенность — для интеллектуалов, пропитанных конструктивистскими предубеждениями, почти невыносимая: то, что производители, торговцы и финансисты занимаются абстрактными подсчетами издержек и прибыли, не беспокоясь о конкретных потребностях знакомых им людей. Однако прибыли – это как раз то, что позволяет использовать ресурсы наиболее эффективно.

Высокоосознательный социалистический лозунг «производство во имя потребления, а не ради прибыли» (с добавлением, что эта прибыль получена «за счет других»), свидетельствует о полном отсутствии внимания к тому, как приумножаются производительные возможности, когда разные индивиды получают доступ к разным знаниям, в совокупности превосходящим то знание, каким мог бы овладеть каждый в отдельности. Цены и прибыль — вот и все, что требуется большинству производителей, чтобы как можно более эффективно обслуживать потребности совершенно не знакомых людей.

Глава седьмая. Наш отравленный язык

Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу.
Конфуций

Торговля, миграция, а также рост населения и смешение народов не только открыли людям глаза, но и развязали им языки. Мне хотелось бы рассмотреть некоторые языковые проблемы, имеющие отношение к конфликту между первобытной группой и расширенным порядком. Язык позволяет нам не только обозначать как самостоятельные сущности объекты, данные нам в ощущениях, но и классифицировать отличительные признаки исходя из того, чего мы ожидаем от этих объектов и как мы можем с ними взаимодействовать.

Наш язык всегда обременен интерпретациями или теориями относительно окружающего нас мира. Как утверждал [Гете](#), все, что мы принимаем за факты, уже есть теория: то, что мы «знаем» об окружающем мире, – есть уже наше истолкование его. Из-за этого-то задача анализа и критики наших собственных взглядов сопряжена с различными трудностями. Многие широко распространенные представления, к примеру, лишь имплицитно⁴ присутствуют в словах и выражениях, их подразумевающих; они могут так никогда и не стать явными и, соответственно, никогда не подвергнуться критическому рассмотрению.

Точно так же средствами данного языка – в связи с существованием в нем собственных ограничений и коннотаций⁵ – трудно объяснить то, для объяснения чего он традиционно не употреблялся. Хотя многое из того, что мы узнаем, приходит к нам через язык, значения отдельных слов вводят нас в заблуждение: мы продолжаем употреблять слова с архаическими коннотациями, пытаясь выразить наше новое и более глубокое понимание явлений, с которыми они соотносятся. Подходящий пример – это то, как переходные глаголы приписывают неодушевленным предметам своего рода сознательные действия. Как наивное или неразвитое сознание склонно одушевлять все, что движется, точно так же оно предполагает деятельность разума или духа везде, где, по его представлениям, присутствует цель.

⁴ Имплицитный – скрытый, неявный, подразумеваемый, присутствующий неявно.

⁵ [Коннотация](#) — сопутствующее значение языковой единицы.

Ситуация осложняется тем, что, по-видимому, эволюция рода человеческого всякий раз до некоторой степени повторяется на ранних стадиях развития индивидуального сознания. В своем исследовании «Концепция мира у ребенка» [Жан Пиаже](#) пишет: «Ребенок начинает с того, что везде усматривает цели». И лишь позднее сознание начинает замечать различие между целями самих вещей (анимизм) и целями тех, кто их создает (артифициализм⁶). Анимистические коннотации тянутся за многими ключевыми словами, особенно за теми, что описывают случаи возникновения порядка. Не только сам термин «факт», но и термины «служить причиной», «заставлять», «распределять», «предпочитать» и «организовывать», без которых нельзя обойтись при описании безличных процессов, все еще вызывают во многих умах представление о некоем одушевленном действующем лице. Само слово «порядок» – наглядный пример выражения, которое до Дарвина почти повсеместно воспринималось как подразумевающее какого-то персонафицированного агента.

В начале прошлого века даже такой крупный мыслитель, как Иеремия Бентам, отстаивал мнение, что «порядок предполагает цель». Действительно, можно сказать, что до «субъективной революции» в экономической теории 1870-х годов в объяснениях творимого человеком мира господствовал анимизм, от которого даже «невидимая рука» Адама Смита спасала лишь частично.

Социализм с его понятием «общества», по сути дела, представляет собой позднейшую форму анимистических интерпретаций порядка, представленных в истории различными религиями (с их «богами»). Многие слова, используемые ныне для обозначения различных аспектов расширенного порядка человеческого сотрудничества, несут вводящие в заблуждение коннотации, характерные для сообществ более раннего типа. Главной причиной того, что характер нашего современного политического словаря неудовлетворителен, можно считать отсутствие у Платона и Аристотеля (стоявших у его истоков) понятия об эволюции.

Как читатель мог заметить, я в принципе предпочитаю менее употребительное, но более точное понятие «индивидуализированная собственность» более распространенному выражению «частная собственность». Разумеется, есть еще множество других двусмысленностей. Скажем, американские социалисты сознательно совершили подлог, когда присвоили себе звание «либералов». Как справедливо отметил [Йозеф Шумпетер](#) «враги системы частного предпринимательства посчитали мудрым присвоить ее название, сделав ей, пусть и ненамеренно, величайший комплимент». Это отнюдь не ново: еще в 1911 году [Леонард Трелони Хобхаус](#) опубликовал книгу под названием «Либерализм», которую вернее было бы назвать «Социализм».

Или термины, которыми обычно пользуются для разграничения двух противоположных принципов упорядочения человеческого сотрудничества: капитализма и социализма. Предназначенные для того, чтобы пролить определенный свет на функционирование соответствующих систем, они их практически никак не характеризуют. Более подходящее название для расширенного экономического порядка человеческого сотрудничества – «рыночная экономика». Однако и оно не лишено серьезных недостатков. Прежде всего, так называемая рыночная экономика, строго говоря, не является «экономикой», т.е. «хозяйством». Скорее это комплекс из большого количества взаимодействующих индивидуальных хозяйств.

Я предложил воспользоваться греческим корнем, и ввести новый специальный термин – каталлактика. В древней Греции оно означало не только «обмениваться», но и «принимать в сообщество, в общину», а также «превращать из врага в друга».

Наша анимистическая лексика и невразумительное понятие «общество». Товарищество индивидов, поддерживающих тесные личные контакты, и структура, формируемая миллионами, связанными только через сигналы, исходящие от длинных и бесконечно разветвленных цепочек обмена, – образования совершенно различного типа, и одинаковое их наименование не только является фактической ошибкой, но и почти всегда мотивировано подспудным желанием созидать расширенный порядок по образу и подобию любезного нашим сердцам братского содружества. Удачно охарактеризовал такую инстинктивную ностальгию по малой группе [Бертран де Жувенель](#), сказавший, что «среда, в которой первоначально жил человек, остается для него бесконечно привлекательной, однако любая попытка привить ее черты обществу в целом утопична и ведет к

⁶ Артифициализм – объяснение возникновения предметов и явлений искусственным путем.

тирании». Принципиальное различие, которое упускается из вида при таком смешении, состоит вот в чем: тогда как деятельность малой группы может направляться взаимосогласованными целями или волей ее членов, расширенный порядок, или «общество», складывается в гармоничную структуру благодаря тому, что его члены, преследуя разные индивидуальные цели, соблюдают одинаковые правила поведения.

Существительное «общество» («социум») относительно безобидно по сравнению с прилагательным «социальное» («общественное»), которое, вероятно, стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике. Я выписал все случаи употребления слова «социальный», которые я встречал, и в результате получился весьма поучительный список из более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальный» («общественный»). Потому ли слово «социальный» стало бесполезным в качестве средства коммуникации, что получило так много различных значений. Как бы то ни было, его практическое действие вполне ясно и, по меньшей мере, тройко. Прежде всего, оно помогает исподтишка внушать извращенное, как мы убедились из предыдущих глав, представление, будто бы то, что на самом деле было порождено безличными и спонтанными процессами расширенного порядка, является результатом осознанной созидательной деятельности человека. Далее, следствием такого его употребления становится призыв к людям перепроектировать то, чего они вообще никогда не могли спроектировать. Ну и, наконец, это слово приобрело способность выхолощивать смысл тех существительных, к которым оно прилагается.

Глава восьмая. Расширенный порядок и рост населения

Самый бесспорный показатель процветания любой страны – увеличение числа ее жителей. Численность тех, кто шел по пути конкурентной рыночной практики, увеличивалась, и они вытесняли тех, кто придерживался иных обычаев, – это также было замечено очень давно. Американский историк Джеймс Салливан еще в 1795 г. описал, как европейские колонисты оттесняли коренных жителей Америки, и отметил, что на том же участке земли, на каком, прежде всего, один дикарь охотник мог «влачить голодное существование», теперь могли жить, преуспевая уже пятьсот «мыслящих существ».

С другой стороны, не создает ли рыночный порядок, являющийся и причиной, и следствием столь большого населения, также серьезной угрозы благосостоянию человечества? Идея, будто рост населения угрожает пауперизацией (массовым обнищанием) мирового масштаба, просто ошибочна. Это по большей части связано с упрощенным пониманием мальтузианской теории народонаселения. Теория Томаса Мальтуса была вполне разумна в его время. По Мальтусу человеческий труд можно рассматривать как более или менее однородный фактор производства (предполагалось, что существует один-единственный тип наемного труда – это труд в сельском хозяйстве с использованием одних и тех же орудий и при одних и тех же условиях). При тогдашнем экономическом порядке это предположение (теоретическая модель двухфакторной экономики) было недалеко от истины.

Однако в изменившихся условиях предположения Мальтуса перестают соответствовать действительности, поскольку труд оказывается уже неоднородным, происходит его диверсификация и специализация. Если труд, таким образом, перестает быть однородным фактором производства, выводы Мальтуса теряют силу.

Люди стали могущественными потому, что стали такими разными: новые возможности, открытые специализацией, обусловленной не столько повышением интеллектуального уровня индивидов, сколько усилением их дифференциации, создают основу для более успешного использования ресурсов нашей планеты. По мере того как рынок открывает все новые возможности специализации, непригодность двухфакторной модели с ее мальтузианскими выкладками делается все более явной.

Возможность занятости создана капитализмом. Он создал условия, при которых люди, не унаследовавшие от своих родителей орудий труда и земли, нужных для поддержания их жизни и жизни их потомков, получают все необходимое от чужих, и это выгодно для обеих сторон. Благодаря этому процессу живут (пусть и в бедности) и растят детей те, кто в противном случае – не имея возможности заниматься производительным трудом – вряд ли дожили бы до зрелого

возраста и произвели потомство. Поэтому сама идея, будто богатые отняли у бедных то, что без подобных актов насилия принадлежало бы, или, по меньшей мере, могло принадлежать бедным, достаточно абсурдна. Способность народа поддерживать свою численность находится в прямой зависимости от размеров капитала, имеющегося в стране. Таким образом, собственность, договор, торговля и вложение капитала шли на пользу не только меньшинству.

Идея, что капитал накапливается «за счет других», отбрасывает экономическую мысль назад. Какою бы само собой разумеющейся ни казалась она кому бы то ни было, в действительности это – безосновательное представление, делающее невозможным правильное понимание процесса экономического развития. Ни малейшей опасности, что в могущем нас беспокоить обозримом будущем население мира в целом превысит его материальные сырьевые ресурсы, не существует. Наоборот, у нас есть все основания полагать, что внутренние силы остановят этот процесс задолго до того, как эта угроза станет реальной. Дифференциация и разнообразие – это уникальное достижение человека, обусловившее многие другие его отличительные черты.

Процессе естественного отбора у людей развился высокоэффективный орган, позволяющий им учиться у своих собратьев. Это сделало рост численности людей на весьма значительном отрезке человеческой истории не самолимитирующимся, как в других случаях, а самоускоряющимся процессом. Рост населения напоминал своего рода цепную реакцию: более высокая плотность заселения территории открывала новые возможности для специализации, что приводило к росту индивидуальной производительности, а он в свою очередь вел к дальнейшему увеличению численности населения.

Рассматриваемый процесс отличается сложностью, его нельзя свести просто к ряду причин и следствий; и предвидеть его развитие тоже невозможно, потому что на каждой стадии увеличение плотности населения всего лишь создает новые неосознаваемые возможности, которые то ли будут обнаружены и быстро реализованы, то ли нет. Процесс может протекать очень быстро только тогда, когда какой-нибудь народ уже прошел через определенную стадию, и с него можно брать пример. Обучение идет по многим каналам и предполагает огромное разнообразие конкретных ситуаций и связей между группами и индивидами, за счет чего и открываются возможности для сотрудничества.

Для определения того, какая система правил поведения будет доминировать, решающим является количество человеческих жизней, поддерживаемых той или иной системой. Капитализм ввел новый способ извлечения доходов из производства, который освобождает людей, обеспечивая им, а зачастую и их потомкам, независимость от своего рода или племени. Никто не предвидел, что должно происходить.

Глава девятая. Религия и блюстители традиции

В данной книге показано, что человечество разрывается между двумя состояниями бытия. С одной стороны, бытуют установки и эмоции, характерные для поведения в малых группах. В состоянии малых групп человечество пребывало более ста тысяч лет, и при этом состоянии бытия лично знакомые соплеменники научились помогать друг другу и преследовать общие цели. Любопытно, что эти архаические, весьма примитивные установки и эмоции ныне отстаиваются большинством сторонников рационализма, а также близких ему эмпиризма, гедонизма и социализма. С другой стороны, есть новая, сравнительно недавняя ступень культурной эволюции, взбравшись на которую люди перестают служить, прежде всего, своим знакомым или преследовать совместные цели. На этой ступени сложились традиции, институты и системы морали, которые дали жизнь очень большому количеству людей – во много раз большему, чем на заре цивилизации, – и теперь жизнь этих людей поддерживается этими институтами, а сами люди поглощены тем, что – по большей части мирно, хотя и в форме конкуренции – добиваются тысяч самых разных целей, свободно вовлекаясь в сотрудничество с тысячами людей, которых они никогда не узнают.

Как же могло произойти такое? Часть ответа сводится, конечно, к тому, с чего мы начали, – к эволюции систем морали через механизм группового отбора. Обычаи и традиции, управляющие внерациональным приспособлением к окружающему миру, гораздо вернее руководят групповым отбором, когда они подкреплены тотемами и табу, магическими или религиозными

представлениями. Тем, что благотворные традиции были сохранены и передавались достаточно долго (так, что следовавшие им группы в процессе естественного или культурного отбора смогли разрастись и распространиться), мы отчасти обязаны мистическим и религиозным верованиям, и, прежде всего, я полагаю, – ведущим монотеистическим религиям.

Что касается лично меня, то правильно было бы заявить, что я не чувствую за собой права ни утверждать, ни отрицать существования того, что именуется Богом, поскольку, признаюсь, я не знаю, что должно означать это слово. Я, безусловно, отвергаю любые антропоморфные⁷, персонифицирующие или анимистические интерпретации данного понятия, посредством которых многие ухитряются придать ему смысл. Понятие человекоподобного действующего существа представляется мне, скорее, продуктом высокомерной переоценки возможностей похожего на человеческий разума.

Возможно, то, что люди подразумевают, говоря о Боге, является всего лишь персонификацией тех традиционных моральных норм и ценностей, что поддерживают жизнь их сообщества. Теперь мы начали понимать, что тот источник порядка, который религия приписывает человекоподобному божеству, не находится вне физического мира, но является одной из его характеристик, правда, слишком сложной, чтобы какая-либо из составных частей этого мира сумела составить его «картину» или «образ».

Библиография книг на русском языке

Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., Прогресс, 1973

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. 1, «Структуры повседневности: возможное и невозможное». М., Прогресс, 1986. Т. 2, «Игры обмена». М., Прогресс, 1988

Вико Дж. Основания первой науки об общей природе наций. Л., Гослитиздат, 1940

Виланд Х. М. Аристипп и некоторые из его современников. М., 1807

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., Наука, 1977

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. — Избранные труды по языкознанию. М., Прогресс, 1984

Зомбарт В. Современный капитализм. М-Л., Гос. изд., 1929

Кант И. Спор факультетов. — Соч. в шести томах, т. 6, М., Мысль, 1966

Карлейль Т. Теперь и прежде... М., 1906

Кейнс Дж. М. Трактат о денежной реформе. М., Экономическая жизнь, 1925

Локк Дж. Два трактата о правлении. — Соч. в трех томах, т. 3, М., Мысль, 1988

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. — Соч. в трех томах, т. 2, М., Мысль, 1985

Локк Дж. Опыты о законе природы. — Соч. в трех томах, т. 3, М., Мысль, 1988

Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., Мысль, 1974

Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., Прогресс, 1966

Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., Цинзерлинг, 1894

Менгер К. Основания политической экономии. Одесса, 1903

Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., Прогресс, 1980

Монтескье Ш. Л. О духе законов. — Избранные произведения, М., Госполитиздат, 1955

⁷ Антропоморфизм — наделение человеческими качествами животных, предметов, явлений, мифологических созданий, Бога.

- Мур Дж. Принципы этики. М., Прогресс, 1984
- Мэн Г. С. Древнейшая история учреждений. СПб., журн. «Знание», 1876
- Петти В. Другой опыт по политической арифметике, рассматривающей рост города Лондона. — Экономические и статистические работы, тт. I — II, М., Соцэкгиз, 1940
- Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. — Логика и рост научного знания. — М., Прогресс, 1983
- Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.-Л., 1985
- Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. Трактаты, М., Наука, 1969
- Семененко И. И. Афоризмы Конфуция. М., Издательство Московского университета, 1987
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Соцэкгиз, 1962
- Страбон. География. М., Наука, 1964
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., Политиздат, 1989
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., Наука, 1987
- Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. СПб., 1817
- Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. М., Атомиздат, 1972
- Юм Д. Диалоги о естественной религии. — Соч. в двух томах, т. 2, М., Мысль, 1965
- Юм Д. Исследование о человеческом познании. Соч. в двух томах, т. 2, М., Мысль, 1965
- Юм Д. Трактат о человеческой природе. — Соч. в двух томах, т. 1, М., Мысль, 1965
- Юм Д. Эссе. — Соч. в двух томах, т. 2, М., Мысль, 1965